

САМЫЙ НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПРИЗ

В ту далёкую пору, о которой пойдёт речь, я очень любил... отдыхать. И хотя к двенадцати годам я вряд ли успел от чего-нибудь слишком уж сильно устать, но я мечтал, чтобы в календаре всё поменялось: пусть в дни, которые сверкают красной краской (этих дней в календаре так немного!), все ходят в школу, а в дни, которые отмечены обыкновенной чёрной краской, развлекаются и отдыхают. И тогда можно будет с полным основанием сказать, мечтал я, что посещение школьных занятий — это для нас настоящий праздник.

На уроках я до того часто надоедал Мишке-будильнику (отец подарил ему огромные старые часы, которые тяжело было носить на руке), что Мишка сказал однажды:

— Не спрашивай меня больше, сколько осталось до звонка: каждые пятнадцать минут я буду чихать.

Все в классе решили, что у Мишки «хроническая простуда», а учительница даже принесла ему какой-то рецепт. Тогда он перестал чихать и перешёл на кашель: от кашля ребята всё же не так сильно вздрагивали.

За долгие месяцы летних каникул многие просто уставали отдыхать, но я не уставал. С первого сентября я уже начинал подсчитывать, сколько дней осталось до зимних каникул. Эти каникулы нравились мне больше других: они хоть и были короче летних, но зато приносили с собой ёлочные праздники, Дедов Морозов, Снегурочек и нарядные

подарочные пакеты. А в пакетах были столь любимые мною в ту пору пастила, шоколад и пряники. Если б мне разрешили есть их три раза в день, вместо завтрака, обеда и ужина, я согласился бы сразу, не задумываясь ни на одну минуту!

Задолго до праздника я составлял точный список всех наших родственников и знакомых, которые могли достать билеты на Ёлку. Дней за десять до первого января я начал звонить.

— С Новым годом! С новым счастьем! — говорил я двадцатого декабря.

— Уж очень ты рано поздравляешь, — удивлялись взрослые.

Но я-то знал, когда надо поздравлять: ведь билеты на Ёлку везде распределялись заранее.

— Ну, а как ты заканчиваешь вторую четверть? — неизменно интересовались родные и знакомые.

— Неудобно как-то говорить о самом себе... — повторял я фразу, услышанную однажды от папы.

Из этой фразы взрослые почему-то немедленно делали вывод, что я — круглый отличник, и завершали нашу беседу словами:

— Надо бы тебе достать билет на Ёлку! Как говорится, кончил дело — гуляй смело!

Это было как раз то, что нужно: гулять я очень любил! Но вообще-то мне хотелось немного изменить эту известную русскую поговорку — отбросить два первых слова и оставить только два последних: «Гуляй смело!»

Ребята в нашем классе мечтали о разном: строить самолёты (которые тогда ещё называли аэропланами), водить по морям корабли, быть шофёрами, пожарниками и вагоновожатыми... И только я один мечтал стать массовиком. Мне казалось, что нет ничего приятней этой профессии: с утра до вечера веселиться самому и веселить других! Правда, все ребята открыто говорили о своих мечтах и даже писали о них в сочинениях по литературе, а я о своём заветном желании почему-то умалчивал. Когда же меня в упор спрашивали: «Кем ты хочешь стать в будущем?» — я каждый раз отвечал по-разному: то лётчиком, то геологом, то врачом. Но на самом деле я всё-таки мечтал стать массовиком!

Мама и папа очень много размышляли о том, как меня правильно воспитывать. Я любил слушать их споры на эту тему. Мама считала, что «главное — это книги и школа», а папа неизменно напоминал, что именно физический труд сделал из обезьяны человека и что поэтому я прежде всего должен помогать взрослым дома, во дворе, на улице, на бульваре и вообще всюду и везде. Я с ужасом думал, что, если когда-нибудь мои родители наконец договорятся между собой, я пропал: тогда мне придётся учиться только на пятёрки, с утра до вечера читать книги, мыть посуду,

натирать полы, бегать по магазинам и помогать всем, кто старше меня, таскать по улице сумки. А в то время почти все в мире были старше меня...

Итак, мама и папа спорили, а я не подчинялся кому-нибудь одному, чтобы не обидеть другого, и делал всё так, как хотел сам.

Накануне зимних каникул беседы о моём воспитании разгорались особенно жарко. Мама утверждала, что масштабы моего веселья должны находиться в «прямой пропорциональной зависимости от отметок в дневнике», а папа говорил, что веселье должно быть в такой же точно зависимости от моих «трудовых успехов». Так и не выяснив отношений, оба они приносили мне по билету на Ёлку.

Вот с одного такого праздника всё и началось...

Я хорошо запомнил тот день — последний день зимних каникул. Мои друзья уже просто рвались в школу, а я не рвался... И хотя из Ёлок, на которых я побывал, вполне можно было бы образовать небольшой хвойный лесок, я пошёл на очередной утренник — в Дом культуры медицинских работников. Медицинским работником была сестра мужа маминой сестры; и хотя ни раньше, ни сейчас я бы не мог точно сказать, кем она мне приходится, билет на медицинскую Ёлку я получил.

Войдя в вестибюль, я поднял голову и увидел плакат:

ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ БОРЬБЫ ЗА ДОЛГОЛЕТИЕ!

А в фойе висели диаграммы, показывающие «рост снижения смертности в нашей стране». Диаграммы были весело обрамлены разноцветными лампочками, флажками и мохнатыми хвойными гирляндами.

Меня тогда, помнится, очень удивило, что кого-то серьёзно занимают «проблемы борьбы за долголетие»: я не представлял себе, что моя жизнь может когда-нибудь кончиться.

А мой возраст приносил мне огорчения только тем, что был слишком мал. Если незнакомые люди интересовались, сколько мне лет, я говорил, что тринадцать, потихоньку накидывая годик. Сейчас я уже ничего не прибавляю и не убавляю. А «проблемы борьбы за долголетие» не кажутся мне уж столь непонятными и ненужными, как тогда, много лет назад, на детском утреннике...

Среди диаграмм, на фанерных щитах, были написаны разные советы, необходимые людям, которые хотят подольше прожить. Я запомнил лишь совет о том, что надо, оказывается, поменьше сидеть на одном месте и побольше двигаться. Я запомнил его для того, чтобы пересказать своим родителям, которые то и дело повторяли: «Хватит тебе

носиться по двору! Хоть бы посидел немножко на одном месте!» А сидеть-то, оказывается, как раз и не нужно! Потом я прочитал большой лозунг: «Жизнь есть движение!» — и помчался в большой зал, чтобы принять участие в велосипедных гонках. В тот миг я, конечно, не мог предположить, что это спортивное соревнование сыграет совершенно неожиданную роль в моей жизни.

Нужно было сделать три стремительных круга на двухколёсном велосипеде по краю зрительного зала, из которого были убраны все стулья. И хотя старики редко бывают спортивными судьями, но тут судьёй был Дед Мороз. Он стоял, словно на стадионе, с секундомером в руке и засекал время каждого гонщика. Точней сказать, он держал секундомер в нарядных серебристо-белых рукавицах. И весь был нарядный, торжественный: в тяжёлой красной шубе, прошитой золотыми и серебряными нитками, в высокой красной шапке с белоснежным верхом и с бородой, как полагается, до самого пояса.

Обычно везде, и даже на праздничных утренниках, у каждого из моих друзей было какое-то своё особое увлечение: один любил съезжать вниз с деревянной горки — и делал это столько раз подряд, что за несколько часов успевал протереть штаны; другой не вылезал из кинозала, а третий стрелял в тире до тех пор, пока ему не напоминали, что и другие тоже хотят пострелять. Я успевал испытать все удовольствия, на которые давал право пригласительный билет: и скатиться с горки, и промахнуться в тире, и выловить металлическую рыбку из аквариума, и покружиться на карусели, и разучить песню, которую все уже давно знали наизусть.

Поэтому на велосипедные гонки я явился немного утомлённым — не в лучшей форме, как говорят спортсмены.

Но когда я услышал, как Дед Мороз громко провозгласил: «Победитель получит самый необычайный приз за всю историю новогодних ёлок!» — силы ко мне вернулись и я почувствовал себя абсолютно готовым к борьбе.

До меня по залу пронеслись девять юных гонщиков, и время каждого было громогласно, на весь зал, объявлено Дедом Морозом.

— Десятый — и последний! — объявил Дед Мороз.

Его помощник — массовик дядя Гоша подкатил ко мне облезлый двухколёсный велосипед. До сих пор я помню всё: и что верхняя крышечка звонка была оторвана, и что на раме облупилась зелёная краска, и что в переднем колесе не хватало спиц.

— Старый, но боевой конь! — сказал дядя Гоша.

Дед Мороз выстрелил из самого настоящего стартового пистолета — и я нажал на педали...

Катался я на велосипеде не очень хорошо, но в моих ушах всё время звучали слова Деда Мороза: «Самый необычайный приз за всю историю новогодних ёлок!»

Эти слова подгоняли меня: ведь, пожалуй, никто из участников этого соревнования не любил получать подарки и призы так сильно, как любил я! И к «самому необычайному призу» я примчался быстрее всех остальных. Дед Мороз взял мою руку, которая утонула в его рукавице, и высоко поднял её, как поднимают руки победителей боксёрских соревнований.

— Объявляю победителя! — произнёс он так громко, что услышали все дети медицинских работников во всех залах Дома культуры.

Сразу же рядом появился массовик дядя Гоша и своим вечно радостным голосом воскликнул:

— Давайте поприветствуем, ребята! Давайте поприветствуем нашего рекордсмена!

Он захлопал, как всегда, так настоятельно, что сразу же потянул за собой аплодисменты со всех концов зала. Дед Мороз взмахнул рукой и установил тишину:

— Я не только объявляю победителя, но и награждаю его!

— Чем?.. — нетерпеливо поинтересовался я.

— О, ты даже представить себе не можешь!

В голосе Деда Мороза мне почудилось что-то странное: он говорил как волшебник, уверенный, что может сделать необычайное, сотворить чудо — и поразить всех! И я не ошибся...

— В сказках чародеи и волшебники просят обычно задумать три заветных желания, — продолжал Дед Мороз. — Но мне кажется, что это слишком много. Ты же установил велосипедный рекорд только один раз, и я выполню одно твоё желание! Но зато — любое!.. Подумай хорошенько, не торопись.

Я понял, что такой случай представляется мне первый и последний раз в жизни. Я мог попросить, чтобы мой лучший друг Валерик остался моим лучшим другом навсегда, на всю мою жизнь! Я мог попросить, чтобы контрольные

работы и домашние задания учителей выполнялись сами собой, без всякого моего участия. Я мог попросить, чтобы папа не заставлял меня бегать за хлебом и мыть посуду! Я мог попросить, чтобы вообще эта посуда мылась сама собой или никогда не пачкалась. Я мог попросить...

Одним словом, я мог попросить всё, что угодно. И если бы я знал, как в дальнейшем сложится моя жизнь и жизнь моих друзей, я бы, наверно, попросил о чём-нибудь очень важном для себя и для них. Но в тот момент я не мог заглянуть вперёд, сквозь годы, а мог только поднять голову — и увидеть то, что было вокруг: сияющую ёлку, сияющие игрушки и вечно сияющее лицо масовика дяди Гоши.

— Чего же ты хочешь? — нетерпеливо спросил Дед Мороз.

И я ответил:

— Пусть всегда будет Ёлка! И пусть никогда не кончатся эти каникулы!..

— Ты хочешь, чтобы всегда было так же, как сегодня? Как на этой Ёлке? И чтобы никогда не кончались каникулы?

— Да. И чтобы все меня развлекали...

Последняя моя фраза звучала не очень хорошо, но я подумал: «Если он сделает так, чтобы все меня развлекали, тогда, значит, и мама, и папа, и даже учителя должны будут доставлять мне одни только удовольствия. Не говоря уже обо всех остальных...»

Дед Мороз ничуть не удивился:

— Хорошо, эти желания вполне можно посчитать за одно. Я сделаю так, чтобы каникулы и развлечения для тебя никогда не кончались!

— И для Валерика тоже! — поспешно добавил я.

— Кто это... Валерик? — спросил Дед Мороз.

— Мой лучший друг!

— А может быть, он вовсе не хочет, чтобы эти каникулы длились вечно? Он об этом меня не просил.

— Я сейчас сбегая вниз... Позвоню ему из автомата и узнаю, хочет он или нет.

— Если ты ещё вдобавок попросишь у меня деньги на автомат, то это и будет считаться исполнением твоего желания: ведь оно может быть только *одно!* — сказал Дед Мороз. — Хотя... скажу тебе по секрету: я теперь должен выполнять и другие твои просьбы!

— Почему?

— О, не торопись! Со временем узнаешь! Но эту просьбу я выполнить не могу: твой лучший друг не участвовал в велосипедных гонках и не завоевал первого места. За что же я должен награждать его самым необычайным призом за всю историю новогодних ёлок?

Я не стал спорить с Дедом Морозом: с волшебником спорить не полагается.

К тому же я решил, что мой лучший друг Валерик-гипнотизёр и правда не захочет, чтобы каникулы никогда не кончались...

Почему гипнотизёр? Сейчас расскажу вам...

...Однажды в пионерлагере, где мы летом были с Валериком, вместо киносеанса устроили «сеанс массового гипноза».

— Спать! Спать! Спать!.. — замогильным голосом произносил со сцены бледный гипнотизёр.

— Это какое-то шарлатанство! — на весь зал воскликнула старшая пионервожатая. И первая в зале уснула...

А потом уснули и все остальные. Только один Валерик продолжал бодрствовать. Тогда гипнотизёр разбудил нас всех и объявил, что у Валерика очень сильная воля, что он сам, если захочет, сможет диктовать эту свою волю другим и, наверно, при желании сумеет сам стать гипнотизёром, дрессировщиком и укротителем. Все очень удивились, потому что Валерик был невысоким, худеньким, бледным и даже в лагере летом совсем не загорел.

Я, помню, решил немедленно использовать могучую волю Валерика в своих интересах.

— Мне сегодня нужно учить теоремы по геометрии, потому что завтра меня могут вызвать к доске, — сказал я ему

в один из первых дней нового учебного года. — А мне очень хочется идти на футбол... Продиктуй мне свою волю: чтобы сразу расхотелось идти на стадион и захотелось зубрить геометрию!

— Пожалуйста, — сказал Валерик. — Попробуем. Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха!

И начал диктовать мне свою волю... Но через полчаса я всё равно отправился на футбол. А на другой день сказал своему лучшему другу:

— Я не поддаюсь гипнозу — значит, и у меня тоже сильная воля?

— Сомневаюсь, — ответил Валерик.

— Ага, если ты не поддаёшься, то это из-за сильной воли, а если я не поддаюсь, то это ничего не значит? Да?

— Извини, пожалуйста... Но, по-моему, это так.

— Ах, это так? А может быть, и ты вовсе никакой не гипнотизёр? И не дрессировщик? Вот докажи мне свою силу: усыпи сегодня на уроке нашу учительницу, чтобы она не смогла меня вызвать к доске.

— Извини... Но если я начну её усыплять, могут уснуть и все остальные.

— Понятно. Тогда просто продиктуй ей свою волю: пусть она оставит меня в покое! Хотя бы на сегодняшний день...

— Хорошо, постараюсь.

И он постарался... Учительница раскрыла журнал и сразу же назвала мою фамилию, но потом подумала немного и сказала:

— Нет... пожалуй, сиди на месте. Лучше послушаем сегодня Парфёнова.

Мишка-будильник поплёлся к доске. А я с того самого дня твёрдо поверил, что мой лучший друг — настоящий укротитель и гипнотизёр.

Сейчас Валерик уже не живёт в нашем городе... А мне всё кажется, что вот-вот раздадутся три торопливых, словно догоняющих друг друга, звонка (так всегда звонил только он!). А летом я вдруг ни с того ни с сего высываюсь в окно: мне кажется, что со двора меня, как прежде, зовёт негромкий Валеркин голос: «Эй, иностранец!.. Петька-иностранец!» Не удивляйтесь, пожалуйста: так меня звал Валерик, а почему — в своё время узнаете.

С годами я стал замечать, что дружба очень часто связывает людей с разными и даже противоположными характерами. Сильный хочет поддержать бесхарактерного, словно бы поделиться с ним своей волей и мужеством; добрый хочет отогреть чьё-то холодное, чёрствое сердце; настойчивый хочет заразить своим упорством легкомысленного и увлечь его за собой...

Валерик тоже пытался вести меня за собой, но я то и дело терял его след и сбивался с дороги. Ведь это он, к примеру, заставил меня заниматься в школе общественной работой:

быть членом санитарного кружка. В те предвоенные годы часто объявлялись учебные воздушные тревоги. Члены нашего кружка надевали противогазы, выбегали с носилками во двор и оказывали первую помощь «пострадавшим». Я очень любил быть «пострадавшим»: меня заботливо укладывали на носилки и тащили по лестнице на третий этаж, где был санитарный пункт.

Мне тогда и в голову не приходило, что скоро, очень скоро нам придётся услышать вой сирены, не учебной, а настоящей тревоги, дежурить на крыше своей школы и сбрасывать оттуда зажигалки. Я и представить себе не мог, что мой город когда-нибудь оглушат разрывы фугасных бомб...

Я не знал обо всём этом в тот день, на сверкающем Ёлочном празднике: ведь если бы мы обо всех бедах узнавали заранее, тогда вообще не могло бы быть на свете никаких праздников.

Дед Мороз торжественно объявил:

— Выполняю твоё желание: ты получишь путёвку в Страну Вечных Каникул!

Я быстро протянул руку. Но Дед Мороз опустил её:

— В сказке путёвок на руки не выдают! И пропусков не выписывают. Всё произойдёт само собой. С завтрашнего утра ты очутишься в Стране Вечных Каникул!

— А почему не сегодня? — нетерпеливо спросил я.

— Потому что сегодня ты можешь отдыхать и развлекаться без всякой помощи волшебной силы: каникулы ведь ещё не кончились. Но завтра все пойдут в школу, а для тебя каникулы будут продолжаться!..

ТРОЛЛЕЙБУС ИДЁТ <<В РЕМОНТ>>

На следующий день чудеса начались прямо с утра: не звонил будильник, который я накануне завёл и, как всегда, поставил на стуле возле кровати.

Но я всё равно проснулся. Вернее сказать, я не спал с самой полночи, ожидая своего предстоящего отъезда в Страну Вечных Каникул. Но никто оттуда за мной не приезжал... Просто вдруг промолчал будильник. А потом ко мне подошёл папа и строго произнёс:

— Немедленно перевернись на другой бок, Пётр! И продолжай спать!..

Это сказал папа, который был за «беспощадное трудовое воспитание», который всегда требовал, чтобы я вставал раньше всех и чтобы не мама готовила мне утренний завтрак, а я сам готовил завтрак для себя и для всей нашей семьи.

А потом мама грозно добавила:

— Не вздумай, Пётр, пойти в школу. Смотри у меня!

И это сказала мама, которая считала, что «каждый день, проведённый в школе, — крутая ступенька вверх».

Как-то однажды я для интереса подсчитал все дни, проведённые мною в школе, начиная с первого класса... Получилось, что по этим маминым ступенькам я забрался уже очень высоко. Так высоко, что мне всё, абсолютно всё должно было быть видно и всё на свете понятно.